Сорокадевятилетний Гарри Поттер улыбался, входя в свой дом.

Он только что провел день, нянчась со своей первой внучкой, Магнолией Тонкс Шеклболт. Тедди решил взять фамилию своей жены, во-первых, потому что Тедди не испытывал особой привязанности к фамилии Люпин, а во-вторых, потому что Соня Кингсли Шеклболт была главной в доме во всем, кроме оборудования.

Магнолии было четыре месяца, и она полностью завладела сердцем Гарри, заставив его пожалеть о том, что у него не было больше детей, кроме Тедди и близнецов, Розы и Джеймса.

Однако его улыбка мгновенно исчезла, когда он вошел в главную комнату и услышал приглушенный плач.

Гарри бросился к Андромеде, своей партнерше во всех делах, где она, свернувшись калачиком, лежала на диване.

Ее руки мгновенно обхватили его, когда он потянулся к ней. Поцеловав ее голову, он стал гладить ее по спине: "Ш-ш-ш, Андромеда, ш-ш-ш, что случилось? Что случилось?"

Она оттолкнулась от него, гнев захлестнул ее прекрасное лицо, и она резким жестом вытерла слезы. Слова Андромеды были полны эмоций и ярости: "Я сварила лекарство от Лонгботтомов".

Гарри уставился на нее: "Андромеда... это замечательно, но почему..."

"Оно сработало!" воскликнула Андромеда, вставая на ноги и вышагивая по коридору: "Получилось, Гарри!"

Гарри в замешательстве смотрел на нее и медленно спрашивал: "Почему это плохо?"

Андромеда повернулась к нему, ее волосы разметались по плечам. Ее платье было насыщенного бордового цвета, которое она надела, чтобы попасть в Волшебный мир: "Это сработало. Лонгботтомы вернулись к себе, они все еще помнят, им еще предстоит многое восстановить в эмоциональном плане, но физические шрамы, полученные в результате пыток и травм, были залечены. Остальное зависит от них самих и от того, что семья может для них сделать".

"Это прекрасно", - сказал Гарри, - "Но тогда почему..."

"Потому что это сработало бы и для нее!" Андромеда почти кричала на него.

Он замолчал и спросил: "Для вашей сестры?"

Из темных глаз Андромеды полились свежие слезы: "Так я поняла, что нужно исправить. Гарри... то, что наша мать сделала с нами, с Беллой... она никогда не была самым стабильным человеком, но она не всегда была сломлена. Когда-то Белла обожала Сириуса, ты знал об этом? Не уверена, что Сири помнит, он был тогда так молод. Но Белла была... заботливой, слишком требовательной, любопытной ко всему и гениальной".

Гарри слышал о Беллатрисе много интересного и от Нарциссы, и от Андромеды, но в этот момент что-то изменилось, и он ничего не сказал, чтобы прервать ее, пока она рассказывала то, что он не был уверен, что хочет услышать.

"Однако она была абсурдно могущественной, настолько, что ее магия иногда подавляла ее. После одного из последних "наказаний" нашей матери отец, наконец, вмешался. Но было уже слишком поздно, целители ничего не могли с ней поделать, и Белла, которая когда-то была такой счастливой и дикой, стала склонна к вспышкам ярости и случайным всплескам магии, способным потрясти фундамент дома". Она посмотрела на него: "Ты знаешь, что такое обскурал?"

Он кивнул: "Это происходит от подавления своей магии, нет?"

"У детей - да, но Белла не была маленькой, ей было шестнадцать, и ее магия... она как будто стала обскуралом. Мой отец нашел старую семейную реликвию, два браслета, один он отдал мне, а другой - ей. Я не знаю точно, каково было их первоначальное предназначение, но они создавали связь между магическими существами. С одним из них она не могла использовать свою магию иначе, как с моего осознанного разрешения, которое я мог дать, не задумываясь, своему собственному браслету. Он поддерживал нашу связь, удваивал наши силы и не подавлял ее магию до тех пор, пока я использовал свою. Она чувствовала это, когда я использовал магию".

Гарри наклонил голову: "На самом деле, это просто замечательно. Но почему ты не использовала их во время войны?"

На ее лице появилось выражение стыда: "Она была старше меня, и все наши и мои школьные годы она держалась поближе к дому. В те годы это хорошо помогало. Но ее муж..." Андромеда вздохнула: "Никто из нас не мог ничего сделать, кроме как убить Родольфуса, о чем я искренне сожалею".

"Он снял с нее браслет", - догадался Гарри.

Андромеда вздохнула и вернулась, чтобы сесть рядом с ним: "Нет, это сделала я".

"Почему?" спросил Гарри.

"Потому что она не могла защитить себя без моего разрешения, и потому что..." Андромеда коснулась своего живота: "Я была беременна Нимфадорой. Я собиралась переехать в

магловский мир, а Белла... Я отдала свой браслет Нарциссе. Но Белла восприняла это как предательство. Она запретила Нарциссе носить его и заставила Нарциссу снять свой. Ну, я полагаю, вы знаете остальную часть истории моей сестры".

Гарри протянул руку, чтобы взять ее за руку: "Ты думаешь, это зелье могло что-то изменить?"

Андромеда подняла на него глаза: "Я не думаю, что моя сестра была властной или манипулируемой, чтобы сделать то, что она сделала. Я также не думаю, что она не верила в фанатизм чистокровных. Но моя сестра не была садисткой, она не была жестокой ради жестокости. Я помню, как сильно она любила нас с Нарциссой. Я помню, как она часами играла на полу с Сири и Реджи, когда никто, включая меня и наших матерей, не хотел иметь с ними ничего общего".

После того как Гарри провел день с внучкой на руках, выражение его лица смягчилось, и он сжал руки Андромеды: "Мне так жаль, Андромеда".

Она закрыла свои темные глаза: "Моя мать и ее муж пытали ее задолго до того, как Волдеморт попал к ней в руки. А я... - она посмотрела вдаль, - я бросила ее. Бросила ее". Она потянулась в карман юбки и достала кусок пергамента и два браслета из черного металла: "Но если бы я осталась... у нее мог бы быть шанс".

Гарри накрыл рукой рецепт лекарства и два браслета.

"Как ты его назвала?" - тихо спросил он, прижимаясь лбом к ее лбу.

Она открыла глаза, и их близость сделала зрительный контакт невероятно интимным.

"Лекарство из белладонны".

"Основной ингредиент?" - спросил он, гадая, не сама ли она использовала эту траву, даже когда опустил ее губы к своим.

"Смертельный найтшейд", - произнесла Андромеда над его губами, прежде чем закрыть пространство между ними.

Гарри никогда бы не полюбил эту женщину, эту ведьму, которая прошла сквозь тьму, чтобы обрести жизнь, достойную жизни.

Когда они отпрянули друг от друга, она подняла на него глаза, по щекам текли свежие слезы.

"Андромеда?"

"Гарри, - густо произнесла она, - я знаю, что это непростительно, но я знаю, что ты снова обретешь счастье".

Смущение охватило его, когда её руки сомкнулись над его руками, и металлические кольца стали такими холодными в его руках, что обжигали.

В потоке магии Гарри наблюдал, как свет исчезает из её глаз, как металл в их руках распространяет ледяную температуру по его рукам, по его костям, наполняя его, словно его опустили в чан с жидким азотом.

И весь его мир и зрение стали абсолютно черными.

Когда он наконец открыл глаза.

Была ночь, он находился на улице, вокруг горели факелы и было много-много людей.

Гарри моргнул.

Он больше не был в своем доме.

Он был уверен, что только что видел, как умерла любовь всей его жизни, и не был полностью уверен, что не умер и он сам.

Где же он был?

http://tl.rulate.ru/book/103415/3599271